

Роман Злотников

ИМПЕРАТОР И ТРУБОЧИСТ

Том 4

Светлейший князь

Роман Валерьевич Злотников
Император и трубочист.
Том 4. Светлейший князь
Серия «Император и
трубочист», книга 4
Серия «Новый Злотников»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74131596

*Император и трубочист. Том 4. Светлейший князь: Эксмо; Москва;
2026*

ISBN 978-5-04-250415-0

Аннотация

В мире, где научные открытия становятся оружием геополитики, русский князь Даниил стремится опередить Дарвина и утвердить интеллектуальное первенство Империи. На фоне грандиозных технических выставок и смелых экспериментов в воздухоплавании зреет тень грядущей войны. Триумф русского флота в первых сражениях сменяется яростью стихии и ожесточёнными баталиями на просторах от Балтики до Средиземноморья. Пока адмиралы вершат историю в дыму сражений, в севастопольских ресторанах великие князья ведут поэтические дуэли с гениями эпохи, напоминая о хрупкой человечности за фасадом имперского величия. Судьба конфликта

решится не только в пушечном огне, но и в напряжённых переговорах при личной встрече с самой королевой Викторией. Эта история – об амбициях, меняющих карту мира, о цене побед и о наследии, которое заставляет задуматься спустя десятилетия.

Содержание

Пролог	6
Часть I. Ещё немножко мира	17
1	17
2	37
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Роман Злотников
Император и трубочист.
Том 4. Светлейший князь

© Злотников Р.В., текст, 2025

© ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Пролог

– Мм... спасибо большое, конечно, но й-а-а... не совсем понимаю, чем заслужил. – Светлейший князь Николаев-Уэлсли озадаченно уставился на торжественно вручённый ему толстенный и ещё остро пахнувший типографской краской том, на обложке которого красовалась красивая надпись: «Карл Эрнст Риттер фон Бэр Эдлер фон Хутхорн. О происхождении видов с помощью естественного отбора».

– Ну как же, Ваша Светлость, – несколько чопорно вскинулся стоящий перед ним... кто? Немец? Русский? Скорее уж русский немец... – Без вашей протекции этого труда никогда бы не появилось!

– Без моей протекции?

– Ну да! Ведь именно вы порекомендовали меня в свиту наследника, когда он готовился к своему кругосветному путешествию. И именно в этом путешествии я смог набрать достаточно материала, осмысление которого и привело к написанию этой книги.

– Ах, вот вы о чём... – Даниил облегчённо кивнул. Ну да, было такое... Тогда Александр обратился к нему с просьбой порекомендовать ему в свиту кого-то из учёных. Ибо свято помнил заветы Учителя о том, что наиболее эффективным использованием ресурсов является комплексный подход. Ну когда одним действием решается сразу несколько задач...

Вот и решил рекрутировать в свою свиту, кроме военных и придворных, ещё и толпу научных работников. Разных – геологов, медиков, гидрографов, биологов, географов... ну и так далее. Он ведь собирался ехать далеко и надолго. Причём по большей части маршрут его должен был проходить по тем регионам, которые ещё долго надо будет изучать и описывать. Ну вот и решил в процессе своего путешествия хотя бы начать эти описания и изучения, насколько получится. Плюс дополнительным бонусом была возможность пообщаться в дороге с умными людьми из разных областей знаний. А ну как какие свежие и полезные мысли народятся во время подобных разговоров? Тогда-то бывший майор и дал команду своим секретарям подобрать кандидатуры. Поскольку сам в этой учёной братии разбирался не очень. Ну, за исключением металлургов. Вот в тот момент Карл Бэр и попал в выборку. А что – и учёный весьма неплохой, достаточно известный... как-никак первый том его «Истории развития животных» увидел свет ещё в одна тысяча восемьсот двадцать восьмом году. Да и путешественник опять же опытный – к тому моменту он уже успел отметить исследованиями островов Финского залива, Кольского полуострова и даже умудрился дважды побывать не где-нибудь, а на Новой Земле! То есть на самом что ни на есть Крайнем Севере. Там, где располагался последний ядерный полигон СССР.

Вот на основании всего этого Даниил тогда и включил его в список лучших кандидатов, порекомендовав ученику ко-

оптировать одного в состав свиты... И вот, поди ж ты, Карл Максимович, как его именовали в петербургских научных кругах, сподобился разразиться столь солидным научным трудом... Светлейший князь снова бросил взгляд на обложку и... замер. Так! Погодите... Но это же... Даниил прочитал название ещё раз и уставился на стоящего перед ним чопорного учёного ошарашенным взглядом.

— Хм, профессор, а-а-а... вы не знаете такого английского учёного по имени Чарлз Дарвин?

— Ну что вы говорите, Ваша Светлость? Конечно же я его знаю! — Бэр с достоинством кивнул головой. — С удовольствием прочитал его заметки о путешествии на корабле «Бигль», а также пятитомную монографию «Зоология путешествия», в подготовке которой он активно участвовал. Лондонское Линнеевское общество вообще очень серьёзная организация. Кроме господина Дарвина, я ещё хотел бы отметить молодого господина Уоллеса, хотя чувствуется, что они оба находятся под влиянием неоднозначных идей преподобного Мальтуса...

Даниил слушал пустившегося в пространные рассуждения Карла Максимовича, но мысли его были далеко в стороне от речей учёного. Он лихорадочно пытался понять — как именно случилось, что теория происхождения видов, которая в памяти бывшего майора была намертво сцеплена с именем Чарлза Дарвина, внезапно оказалась сформулирована русским... ну то есть русским немцем. Он же ведь сам

никогда ни сном ни духом... А с другой стороны, ведь и в той, прошлой истории, которую здесь знал только он, оно ведь как-то тоже само случилось. Вряд ли рядом с тем же Дарвином был какой-нибудь попаданец, который ему идеи происхождения видов в уши надул. Вот точно, витало уже к тому моменту нечто подобное в научных кругах, витало... Дарвина просто повезло первым всё это сформулировать. И во многом потому, что наука в Англии в том «варианте реальности» была куда более развита, нежели чем в любой другой стране мира. В первую очередь вследствие куда большего количества денег, которые шли на это дело в намного более богатой Великобритании. Так что там было больше и университетов, и лабораторий, да и учёных в целом. Ну и возможностей для изучения разных этих... как его... биомов, ландшафтов, климатических зон и так далее у английских учёных тоже было больше. Причём как бы не на порядки! В конце концов, Британская империя к настоящему моменту раскинулась на пяти континентах! Вот и приходилось англичанам обеспечивать логистику по всему миру. С чего перепало и учёным.

Но это там! Здесь же... да тоже, вероятно, британцы могли тратить на науку больше, но уже точно не на порядки, как там! И если число университетов в России по сравнению с изначальным вариантом истории выросло не так чтобы очень, то вот число студентов, в них обучаемых, точно возросло в разы. Как и число учёных и преподавателей, в них

работающих. Да и с логистикой в Российской империи дела также обстояли совсем по-другому, нежели в истории бывшего майора. Получение контроля сначала над Калифорнией, а затем и над всем западным побережьем Северной Америки потребовало куда более многочисленного флота, который к тому же куда больше плавал. Заселение-то приобретённых территорий надобно было обеспечивать! А развитие железных дорог в разы облегчило доступ в Сибирь, Китай и Азию в целом, а также на азиатское побережье Тихого океана. В первую очередь, конечно, стараниями Толеньки Демидова, но не только... Так что ныне куда более многочисленным, нежели там, русским учёным и естествоиспытателям вполне было где развернуться. И вот тебе результат!

– Мм... простите, профессор, а господин Дарвин ничего подобного не писал? – довольно бесцеремонно прервал разглагольствования увлékшегося учёного бывший майор.

– В смысле? – нахмурился тот. – Что вы имеете в виду?

– Ну-у... о происхождении видов.

– О происхождении видов он писал довольно много¹. Эта тема вообще нынче довольно популярна в среде естествоиспытателей... Что же касается господина Дарвина, то мы с

¹ Первый очерк по данному вопросу Дарвин опубликовал ещё в 1842 году. Но в данном направлении он был далеко не одинок. Нечто подобное писали и многие другие учёные. Например, Альфред Рассел Уоллес или американский ботаник Эйса Грей. Книга же Дарвина «О происхождении видов с помощью естественного отбора, или О сохранении благоприятных рас в борьбе за жизнь» была опубликована только в 1859 году.

ним довольно активно переписывались по вопросам открытого мной «зародышевого сходства»² ещё до моего путешествия с цесаревичем.

– Нет, я имел в виду конкретно эту формулировку. – Даниил, опустил взгляд на вручённую ему монографию и прочитал: – «О происхождении видов путём естественного отбора». Он ничего подобного не издавал?

– М-м-м... насколько я знаю – нет! – несколько озадаченно отозвался Карл Максимович. – А что, у вас есть информация, что издавал? – насторожился он.

– Нет-нет, – поспешно вскинул руку Даниил. – У меня такой информации нет. – Князь на мгновение задумался. Хм, если уж всё так повернулось, то, пожалуй, стоит приложить максимум усилий, дабы приоритет русской науки в данном деле был максимально подтверждён. – А знаете что, профессор, – решительно произнёс он, – я думаю, нам надобно издать вашу монографию на всех основных европейских языках. На русском, я вижу, она уже издана. Какой тираж, кстати?

– Двадцать пять экземпляров, – несколько ошарашенно ответил Бэр. – И двадцать на немецком. На русском больше потому, что это неременное требование Академии наук... – Ну да, они с Николаем ещё более десяти лет назад су-

² Закон зародышевого сходства, или Закон Бэра, был сформулирован в 1828 году. Согласно ему на начальных этапах эмбрионального развития зародыши животных разных видов сходны по своему строению. Что означает единство происхождения животного мира.

мели-таки продавить новые требования к научной и образовательной деятельности в Российской империи, согласно которым все научные работы российских учёных, а также иностранных, но работавших по контракту в российских высших учебных заведениях, считались исполненными только после публикации оных на русском языке. А то ранее с этим делом был полный бардак – все публиковались кто как хотел. Кто на латыни, кто на французском, а очень многие публиковали работы на немецком. И далее никто ничем не заморачивался. Мол, кто хочет – пусть сам переводами и озаботится... Да что там говорить – в части университетов даже преподавание велось на иностранных языках. В том же Дерптском – на немецком, а в ныне закрытом Виленском – на польском. А русский там был так – сбоку припёка... Но, слава богу, с этим тоже удалось справиться. Ныне все высшие учебные заведения обязаны были основную часть предметов преподавать исключительно на русском языке. Отступления от этого правила имели место быть только на факультетах местной и иностранной филологии.

– Мало! – Светлейший князь резко рубанул рукой. – Я полагаю нам нужно издать пятьсот... нет – тысячу экземпляров на русском и столько же на немецком. А также ещё по пять сотен на английском, французском и испанском. Нет! На испанском тоже тысячу.

– Мм... Ваша Светлость, – обескураженно начал Карл Максимович, – я, конечно, польщён, но бюджет...

– Об этом не беспокойтесь, – отмахнулся Даниил. – Все расходы я беру на себя. Как и затраты на рассылку вашего труда во все университеты Европы и Америки! – Увы, насколько знал Даниил, в других частях света университетов на настоящий момент просто не существовало³.

– Ваша Светлость, раз вы принимаете столь благосклонное участие в распространении моего скромного труда, – осторожно начал явно ошеломлённый профессор, – я бы хотел обратиться к вам с просьбой выделить мне пару десятков экземпляров дополнительного тиража, дабы я смог... э-э... несколько расширить круг тех учёных, которым я бы хотел отправить мою монографию индивидуально.

– Не вижу никаких проблем. – Бывший майор поощряюще улыбнулся. – Предупредите типографию – они вам пришлют, сколько потребуется. Или лучше так – просто составьте список рассылки и предупредите экспедитора типографии, какую часть книг вы собираетесь подписать лично...

Когда учёный наконец-то покинул его кабинет, Даниил некоторое время сидел, тупо пялясь на закрывшуюся дверь. Ты погляди, как оно всё странно переплелось. Значит, теперь у России приоритет в научной сфере. Да ещё какой! А особенно подкупало то, что этот результат – побочный. Ведь он никаким образом сознательно не работал на его достижение.

³ Не совсем так. К настоящему моменту уже существует как минимум по одному классическому университету в Азии и Африке – на Филиппинах и в Южной Африке.

Всё случилось как бы само собой... И это было очень хорошо, поскольку доказывало, что траектория развития действительно изменилась, сойдя с дороги, ведущей к неизбежной революции. И главное, что его потомки – дети и внуки его любимой старшенькой, ставшей женой цесаревича и будущей императрицы, – получили шанс на выживание, даже если его жизненный путь закончится вот прямо завтра. И хотя пока никаких предпосылок к этому не просматривалось, но Даниил отлично помнил слова Булгакова, что плохо не столько то, что человек смертен, сколько то, что он смертен внезапно... За этими размышлениями его и застал заглянувший в кабинет секретарь.

– Ваша Светлость?

– М-м-м... да?

– К вам его благородие барон Клаус.

– Карл? Приехал? Зови-зови! – вскинулся князь Николаев-Уэлсли. Последние полгода Карл безвылазно торчал на Южном Урале, где в полной секретности строилось и запускалось небольшое, но очень важное производство. На столько важное, что на его охрану был выделен целый батальон Железнодорожного полка, а для обеспечения секретности сформирован отдельный жандармский дивизион. При том что жандармские дивизионы, на минуточку, кроме этого уральского захолустья, имелись ещё только лишь в двух столицах... Впрочем, официально Железнодорожный батальон был занят строительством ветки от Екатеринбурга до Каме-

нецкого завода, рядом с которым и строилось новое производство. И это тоже делалось в рамках операции прикрытия. Хотя дорогу на самом деле строили...

За прошедшие годы Клаус обзавёлся не только титулом, но и солидной грузностью, а также научился одеваться дорого и со вкусом и теперь ничем не напоминал того всклокоченного ученика аптекаря, который так и норовил попробовать на язык любой вновь созданный им состав или реагент.

– Ну, чем порадуешь?

Барон весело улыбнулся и, картинным жестом распахнув принесённый саквояж, выудил из него солидный слиток, точь-в-точь повторявший по форме золотые банковские, но сиявший отнюдь не тусклым золотым, а ярким серебряным блеском. Только вот это было совсем не серебро.

– Получилось... – выдохнул светлейший князь, заворожённо уставившись на слиток. Барон Клаус удовлетворённо кивнул.

– Точно так. Хотя повозиться пришлось, – он сделал паузу, – с простой глиной не получилось – пришлось брать каолиновую, да и с электродами тоже замучились. Что-то получаться начало, только когда перешли на чистый графит.

– Угу, – медленно кивнул бывший майор и, протянув руку, осторожно взял слиток. Его весьма сумбурная и отрывочная информация, которую он сумел вспомнить, всё-таки принесла свои плоды. Им удалось... Пройдя путём множества проб и ошибок, потратив кучу денег, времени и нервов,

они сумели-таки получить самый дорогой на данный момент металл на Земле. Металл, из которого был изготовлен парадный сервиз французского императора Наполеона III и который он очень берёг и повелевал выставлять только перед самыми важными и почётными гостями. Потому что этот металл ещё не так давно стоил в три раза дороже золота... Сейчас, конечно, его стоимость несколько упала, но даже нынче он стоил как минимум на треть дороже золота. Недаром Ротшильды так активно пытались подгрести всю торговлю им под себя... Он держал в руках слиток алюминия! И это был первый промышленный алюминий в мире.

Часть I. Ещё немножко мира

1

– ...на сём Первую Всемирную выставку науки, промышленности, искусства и торговли объявляю открытой! – Оркестр грянул туш... не совсем тот, к которому привык Даниил в своей прошлой жизни, – тот ещё, похоже, не написали, но нечто подобное, под который государь легко сбежал по ступеням, на ходу сунув нервно суется рядом Константи́ну Ивановичу Арсеньеву⁴ – свежеиспечённому министру недавно учреждённого Министерства промышленности и торговли⁵, которое официально и отвечало за подготовку и проведение выставки, – ножницы и отрезанный кусок красной ленты. После чего подошёл к светлейшему князю Николаеву-Уэлсли и этак по-дружески ткнул его кулаком в плечо.

– Всё ещё дуешься?

Даниил молча пожал плечами.

– Да брось – я ж тебе всё объяснил... Если мы хотим, чтобы всё началось в те сроки, в которые и были, – эта выставка

⁴ Русский географ, экономист и статистик. Один из основателей Русского географического общества, один из учителей будущего Александра II. Автор «Статистических очерков России», академик, либерал.

⁵ В нашей истории подобное министерство было создано только в 1905 году.

нам нужна. А ведь мы именно этого и хотим. — Ну да, они с Николаем хотели, чтобы Крымская война состоялась именно в те сроки, когда она и случилась... Ну или осада Севастополя началась именно тогда, когда она началась в его истории. Здесь, на Балтике, дедлайн был не настолько жёстким... Почему? Всё дело в одном важном кусочке той информации, которую бывший майор помнил о Крымской войне. А помнил он о ней, как выяснилось, совсем немного.

Первое, что он вспомнил, — это то, что началась она как война с турками. Но вот где и как она началась и какие сражения происходили в начальный период — он не помнил напроць. Ну, кроме Синопа. Но и про Синоп он также помнил не сильно много... а вот про сухопутную часть — вообще ничего.

Про ту часть, когда в битву вступили англичане с французами, он помнил чуть больше. Но опять же фрагментарно. Например, про Бомарсунд он знал только то, что тот случился. А всё остальное — даты, наряд сил и средств с каждой стороны, кто командовал, сколько и каких сражений состоялось, как долго держалась крепость — туман... Ну и итог, заключавшийся в том, что крепость пала.

Про Петропавловск и Архангельск он знал только то, что они были и, наоборот, закончились для англичан неудачей. А были ли ещё какие атаки отдалённых мест, которые, наоборот, англичанам удалось, — у него в памяти не сохранилось. Впрочем, этот момент был уже не так важен. Это в той исто-

рии у России было мало слабозащищённых точек на побережье, по которым англичане и французы могли нанести удар, а здесь таких было много – Калифорния, Аляска и остальное западное побережье Североамериканского континента, Камчатка, Охотск и Приморье... да и на Севере появилась масса населённых пунктов, которые в той истории появились лет на тридцать – пятьдесят позже. А некоторые, как тот же Баренцбург, – вообще чуть ли не на сто. Но России жизненно нужен был уголь на северах...

Ещё он помнил про мины и канонерки. В первую очередь про вёсельные. Именно из-за того, что подобное словосочетание резало слух... Вёсельные канонерки – ну как такое вообще возможно? Ну и паровые, конечно... которые строил Путилов. Но какая у них там была конструкция и вооружение – в памяти не сохранилось.

Про то, что происходило в Крыму, он знал чуть больше. Хотя, скажем, про битву на Альме Даниил помнил только то, что она была и что русские её проиграли. Поэтому в Лондоне появилась улица, а в Париже мост имени этой речки. И что русскими войсками командовал князь Меншиков. Ну и ещё немножко баек типа той, что во время этой битвы английские и французские стрелки из своих нарезных «Ли-Энфилдов» и пулями Минье запросто расстреливали расчёты русских гладкоствольных пушек, а русские артиллеристы ничего с этим поделать не могли, потому что их пушки имели меньшую дальность стрельбы, чем винтовки коалиционной

армии. Из-за чего это сражение и проиграли... И то, что это именно что байки, – тоже. А вот почему на самом деле проиграли битву при Альме – он уже не помнил. Ну не отложилось у него этого в памяти!

Про оборону Севастополя он помнил немного побольше. Как и про персоналии: Корнилова, Нахимова, Истомина, Тотлебена, Пирогова (про которого ему взахлёб рассказывал ещё на срочной ефрейтор Гогохия), Дашу Севастопольскую, матроса Кошку, поручика-артиллериста Льва Толстого. Помнил про атаку английской кавалерийской бригады под Балаклавой, после которой слово «Балаклава» стало для англичан синонимом абсолютной военной катастрофы, а также про то, что в какой-то момент англичанами там командовал генерал с фамилией Реглан, в честь которого называли какую-то модель одежды...

А ещё он помнил о том, что осенью тысяча восемьсот пятьдесят четвёртого года на Чёрном море разразился мощнейший шторм, названный англичанами и французами «Великой бурей» и нанёсший огромный ущерб всем кораблям, базировавшимся в районе Севастополя. То есть и русским и коалиционным... И вот это воспоминание как раз и являлось главной причиной их желания заполучить десант коалиции в Крым осенью того самого года. Потому что, если сделать так, чтобы коалиционный флот понёс от этого шторма точно такой же ущерб, как и в той истории, которая осталась только в воспоминаниях бывшего майора, а русский флот остался в

целости и сохранности, – это могло оказать решающее влияние на итоги предстоящей войны! Ибо, несмотря на то что нынче флот Российской империи совершенно точно был гораздо сильнее, чем тот, с которым она вошла в войну в прошлом варианте истории – потому что этот флот и строился гораздо активнее, и благодаря Калифорнийскому «проекту» плавал в разы дальше и больше, да и проекты кораблей были куда совершеннее (в первую очередь, конечно, из-за того, что флот много плавал, но ещё и благодаря наличию и активной работе опытового бассейна), – им с Николаем было ясно, что война будет очень тяжёлой. Ничуть не легче, чем в той, другой истории. Ну, которой уже не случится... Поэтому даже для того, чтобы хотя бы не проиграть, нужно пользоваться любыми возможными шансами. И упустить возможность дать природе сыграть на своей стороне было откровенно глупо...

Но, ёлки ж палки, можно же было, наверное, сделать это всё куда дешевле, чем вот это вот всё! Потому что в эту «Всемирную выставку» были вбуханы такие деньги, что на них можно было построить целую эскадру паровых линкоров! Но Николай был непреклонен.

– Если мы начнём строить эскадру паровых линкоров – это как раз приблизит начало войны. А вот выставка, наоборот, позволит выиграть время! Французы точно не упустят возможности поблистать и показать всем, какие они крутые и развитые... У них после поражения Наполеона целый на-

циональный комплекс развился.

– Ага, а выставка, которую будем проводить именно мы и на которой тоже покажем свои достижения, на фоне которых французы, может, и будут выглядеть неплохо, но уж точно не так, как они сами себя оценивают, – сильно поспособствует развеиванию этого комплекса? – саркастически поинтересовался Даниил. – Или, наоборот, его разрастанию и углублению?

– А там уже будет не важно, – усмехнулся Николай, – года два-три мы на этом точно выиграем. Пока будут тратить время и ресурсы на подготовку экспозиции, доставку её к месту проведения, на разворачивание, содержание, а потом на упаковку и отправку обратно – время и пройдёт. И деньги, которые, заметь, они могли бы потратить на подготовку к войне, – тоже будут потрачены.

– А наши нет?

– А мы – отобьём, – парировал император. – Как раз за счёт выставки. Это ж к нам будут приезжать и приплывать, селиться в гостиницах, есть в ресторанах, покупать билеты на выставку, а также на различные увеселения – в оперу там, музеи, на корабликах по Мойке и Фонтанке кататься... ну и так далее. Вот и отобьём! А они – только потратятся. – На этом разговор и закончился. Впрочем, бывший майор предполагал, что император ему далеко не всё рассказал. Было во всём этом и второе дно. А может, и какое-нибудь третье с четвёртым. Уж больно энергично император продвигал идею

с выставкой... Но это было не его дело. Тем более что Николай, слава Всевышнему, не стал вешать на Даниила текущую работу по организации и проведению выставки (хотя как стороннего «эксперта», естественно, привлекал), так что выставка, слава богу, была совсем не его головной болью. Ну, почти...

– Ты – государь, тебе виднее, – пожал плечами князь Николаев-Уэсли.

– Вот то-то и оно, – усмехнулся император и, развернувшись, двинулся в сторону небольшой группки аристократов, разодетых достаточно пышно, но несколько старомодно. Не в том смысле, что в старое... просто сам фасон был такой.

– Мадьяры, – хмыкнул стоящий рядом со светлейшим князем седой как лунь генерал. – Эвон тот – граф Лайош Баттьяни. Самый главный из венгерских бунтовщиков. А вон те – Каройи и Сеченьи. – Он вздохнул. – Зря государь меня остановил. Ежели б была на то царская воля – ей-богу, за месяц бы Будапешт взяли!

Ну да – в этой истории Николай не откликнулся на отчаянный призыв юного императора Франца Иосифа и не отправил войска на подавление Венгерского восстания. Впрочем, от столкновения с венграми это всё равно не спасло. Один из венгерских генералов – поляк по национальности Юзеф Бем – на волне начальных успехов повстанцев вознамерился «вернуть Галицию и Лодомерию». Причём кому именно – было непонятно. Потому как в тот год одновре-

менно с Венгрией восстали и входящие в состав Австрии польские земли. И, удайся это предприятие, вполне возможно, Бем бросил бы отвоёванные земли не к ногам венгров, а к ногам своей горячо любимой родины. Потому как поляки считали Галицию и Лодомерию неотъемлемой частью Речи Посполитой, которую они так жаждали восстановить... Но не сложилось. Генерал Паскевич, управлявший западными окраинами империи на правах наместника, показал, что с момента «предательского польского бунта», как официально было принято именовать события тысяча восемьсот тридцатого – тысяча восемьсот тридцать первого годов, русские войска не только не растеряли, но и изрядно повысили свою боеготовность и боеспособность. Так что вторгшиеся войска были мгновенно разгромлены... а вот переходить старую границу император категорически запретил. Так что с Венгерским восстанием австрийцам пришлось разбираться самостоятельно. Чего они сделать не смогли. И как бы в первую очередь не потому, что, как уже упоминалось, почти одновременно с венграми восстали и поляки! Так что у австрийцев просто сил не хватило... Да они бы и Польшу потеряли, но поляки, как обычно, сами себе подгадили.

Нет, поначалу всё шло просто отлично – восстание началось на Ивана Купалу. Австрийские гарнизоны в Варшаве, Лодзи, Радоме, Люблине и Кракове были либо мгновенно вырезаны, либо попали в осаду, отчаянно отбиваясь от толп воодушевлённых поляков. Прорваться из окруже-

ния удалось не слишком многим. Добраться до удержавших контроль над своими городами гарнизонов получилось ещё меньшему числу. Так что уже к концу августа большая часть «австрийской Польши» оказалась под контролем восставших. Что очень сильно обеспокоило и Россию и Пруссию, которые совсем не обрадовались вероятному появлению у своих границ агрессивного государства, да ещё и ко всему прочему претендующего на весьма существенную часть их собственных земель... Вследствие чего Николай принял срочное решение усилить группировку Паскевича и ещё раз подтвердил тому запрет на переход границы с восставшей против австрийского владычества Венгрией. Впрочем, после случившегося разгрома армии Бема венгры и сами не рвались сцепиться с Россией. И даже более того – прислали представительную делегацию с предложениями о заключении мира, а то и союза. Против чего категорически или скорее даже истерически выступил Нессельроде. Что, кстати, стоило ему поста министра... И нет, государь, естественно, учитывая, что с этим Венгерским восстанием к тому моменту ещё ничего не было ясно, никаких договоров заключать не стал и, более того, даже не принял венгров официально. А вот неофициально – аудиенцию он венграм всё-таки дал. И, вероятно, что-то даже им пообещал. Потому что уехали они вполне себе воодушевлёнными... А вот теперь снова появились. И на этот раз уже вполне себе официально.

Поляки же, то ли памятуя о разгроме тысяча восемьсот

тридцать первого года, то ли прослышав о катастрофе армии Бема, на этот раз решили не трогать русских. Или как минимум не начинать с них первых... Плюс, вероятно, сыграло роль желание получить выход к морю, без которого возрождённой Ржечи Посполитой было бы весьма сложно. Так что первым делом они решили «освободить исконный польский город Гданьск». И этот р-р-революционный порыв закончился для поляков та-а-акими люлями от пруссаков, что Европа вздрогнула. Деверь Николая – король Пруссии Фридрих Вильгельм IV – прошёлся по Польше огнём и мечом: горели города, пылали деревни и сёла, а на деревьях вдоль дорог ветер раскачивал трупы повешенных косиньеров... Николай даже как «бывший царь Польский» выпустил прокламацию, в которой весьма неодобрительно высказался о происходящем и призвал к гуманизму. К чему Даниил отнёсся крайне отрицательно. Бывший майор также выбрал момент и слегка наехал на императора – мол, ты что, забыл, что сами поляки творили с русскими во время бунтов? Как они головой твоего брата в футбол играли... На что Николай только отмахнулся.

– Да плевать мне на этих предателей! Вообще плевать! Пусть пруссаки хоть их всех там на фонарях перевешают... Но они ж, сволочи такие, – славяне! А русский император по определению – защитник славян. Так что совсем не отреагировать я не мог... – Николай сделал паузу, а потом усмехнулся: – И потом, после моей декларации поток польской имми-

грации в страну увеличился в три раза. А нам ещё Сибирь заселять.

Светлейший князь Николаев-Уэлсли после этих слов ошарашенно уставился на своего друга и государя, а потом сокрушённо покачал головой. Блин – и куда он лезет? Кого поучать вздумал?! Да Николай таких «советников» пучками на завтрак ест...

– Думаешь, они поедут в Сибирь? – спросил он спустя пару минут. Скорее просто чтобы как-то сгладить впечатление от его наивности, нежели действительно интересуясь.

– Ну, обеспеченные, то есть те, кто смог убежать с деньгами, конечно, не поедут. Но таковых там не больше десяти процентов. Пруссакки больно лютуют... А остальные – поедут, никуда не денутся. И пусть будут благодарны тому, что я распространил на них программу вспомоществования переселенцам. А то некоторые вообще без штанов прибыли... Но, как ты помнишь, в этой программе выбора места поселения не предусмотрено. Совсем. Куда государство скажет – туда и поедут. Так что путь им лежит в Сибирь и киргизские степи⁶. Пушай, если какие нестроения там случатся, первый удар озлобившихся кочевников на себя примут. А когда хоть немного там всё обустроят – тогда и начнём русских отправлять.

А потом император весьма искусно надавил на пруссаков,

⁶ В те времена киргизами именовали не только самих киргизов, но и казахов, и кайсаков, и некоторые другие племена кочевников.

убедив их вернуть потерянное австрийцам. Памятуя рассказы бывшего майора, он совсем не желал быстрого усиления Пруссии. Да и отношения с Веной следовало восстановить. А то Франц Иосиф обиделся на то, что русские не только отказались помогать с венграми, но и вообще посмели вступить с ними в какие-то отношения... Однако австрияки после всего произошедшего были столь слабы, что окончательно умиротворить поляков им удалось только тем способом, которым в той, прошлой истории получилось умиротворить венгров. Так что итогом всех этих коллизий стало то, что в этом варианте истории также появилась «двуединая монархия». Только ей стала не Австро-Венгрия, поскольку Венгрия в конце концов сумела-таки заново завоевать себе независимость, а Австро-Полония! И Даниил испытывал большие опасения по поводу того, не окажется ли эта новая Австро-Полония куда большим геморроем для России, нежели Австро-Венгрия, с которой Российской империи пришлось воевать в Первую мировую. А если ещё вспомнить, что Гитлер был по рождению австрийцем, то и вовсе... И как все эти «запалы» сработают в смеси с извечным польским гонором и привычкой смотреть на русских как на варваров, а то и как на низшую расу – он даже не представлял.

Дождавшись, пока основная масса придворных и почётных гостей пройдёт через арку ворот, представлявших собой этакий уменьшенный и слегка упрощённый вариант Эйфеле-

левой башни, два светлейших князя⁷ неторопливо двинулись вперёд.

– Вот хоть убейте, Ваша Светлость, не понимаю я этих ваших новых веяний, – ворчливо пробухтел Паскевич, опасливо косясь на нависающие над головой массивные железные конструкции. – Дома и всякие иные строения должно из дерева делать, из камня, кирпича, а не из железа хладного... От него жутью веет.

Даниил сдержал улыбку и молча пожал плечами.

– Это ж на ваших заводах делалось? – продолжил генерал.

– Частью на наших, – согласно кивнул бывший майор. – Частью на заводе Берда, а частью на Александровском и Олонечких. Времени-то сколько было? В одиночку никому в такие сроки не потянуть...

– Это – да, – согласно кивнул генерал, выворачивая голову, дабы охватить взглядом возвышающуюся конструкцию. – Саженой семьдесят высота получилась?

– Ровно сто, – поправил Даниил. И вздохнул. Ну да, появление этой башни было результатом его длинного языка.

Всё началось с того, что бывший майор рассказал Николаю об... нет, не о всемирных выставках, а об Олимпийских играх. И император загорелся! Но потом остыл.

– Не время сейчас, – решительно рубанул он тогда рукой. – Лучше потом. После войны. Нам всё равно с англи-

⁷ Генерал Паскевич, так же как и главный герой книги, был пожалован титулом светлейшего князя

чанами и французами отношения восстанавливать придётся. Вот через игры и сделаем... – потом потёр рукой гладко выбритый подбородок и спросил: – А идея-то хорошая... Давай рассказывай, что ещё такого международного у вас там бывает? Ну чтобы все, кто что-либо значит, непременно участвовали.

Даниил тогда задумался. И первое, что ему пришло в голову, – это футбольные чемпионаты.

– Не пойдёт, – покачал головой император. – Это ж почти как те же Олимпийские игры! К тому же это у вас там футбол – спорт миллионов, а у нас тут скорее чемпионат по лапте устраивать надо... Ещё думай давай.

Голову пришлось ломать долго. Светлейший князь припомнил и всякие там «Большие семёрки» с «двадцатками», и Всемирный экономический форум в Давосе, и ООН с её сессиями, и даже фестиваль военных оркестров «Спасская башня». Императору нравилось всё. И при этом ничего почему-то не подходило. Пока Даниил не вспомнило об ЭКСПО. И вот за эту идею Николай ухватился обеими руками.

– Ваше Величество... – верноподданнически выдохнул Паскевич. Бывший майор вздрогнул и согнулся в поклоне. Пока он предавался воспоминаниям, император закончил с мадьярами и вернулся.

– Ваше Величество... – повторил князь за генералом. Николай небрежно дёрнул рукой, мол – пустое, и ласково обратился к Паскевичу.

– Ну как выставка, Иван Фёдорович?

– Впечатляет, – нейтрально отозвался старик. – В программке написано – двадцать две страны участвуют?

– Всё так, – удовлетворённо кивнул император. – Как писал мой друг, – он повёл подбородком в сторону Даниила, – все флаги в гости будут к нам. Вот они и есть...

Бывший майор слегка напрягся. Вот вроде бы уже больше сорока лет прошло с того момента, как он нагло спёр у Пушкина «Сказку о царе Салтане», а всё равно дёргается что-то внутри, когда об этом вспоминает.

– Ладно, Иван Фёдорович, вы идите, а мы с князем Николаевым-Уэлсли ещё чутка поболтаем.

– Так точно, Ваше Величество. – Паскевич поклонился и, бросив на Даниила ободряющий взгляд, мол, держись тут, степенно двинулся дальше по аллее, ведущей к «Хрустальному дворцу». Ну да – они тут постарались воплотить в жизнь всё, что бывшему майору удалось припомнить о первых всемирных выставках и о выставках вообще. И Эйфелеву башню, и «Хрустальный дворец», с которого эти выставки как раз начались⁸, и «Мать всех изб»! Хотя последняя вроде как не относилась к всемирным, но точно была построена к какой-то из выставок... И все они сегодня встречали посети-

⁸ Хрустальный дворец – выставочный павильон, построенный в лондонском Гайд-парке к первой Всемирной выставке 1851 года. Представлял собой конструкцию из деревянных рам, листового стекла, железных балок и чугунных опорных стоек. Общие размеры и объёмы выставочного пространства составляли 90 000 кв. м, длиной 564 м, шириной 124 м и высотой 33 м.

телей. Хотя размер этих сооружений был несколько меньше их прототипов. Например, Эйфелева башня, насколько помнил бывший майор, точно была высотой более трёхсот метров, а вот эта – Петербургская – всего чуть больше двухсот. Да и остальные размерения были куда скромнее. Но Эйфелева строилась в самом конце XIX века, когда технологии уже сделали огромный скачок вперёд, а вот эта Петербургская – сейчас, то есть в самой его середине. И, если бы не полученный опыт строительства железнодорожных мостов, который в настоящий момент у России был самым объёмным в мире... просто вследствие того, что у Российской империи была самая развитая сеть общедоступных железных дорог, по своей протяжённости едва ли не превосходящая сети общедоступных железных дорог всех остальных стран, вместе взятых, – даже задумываться о чём-то подобном было бы бесполезно. Наверное, даже на родине прототипа этой башни, во Франции, подобный проект в настоящий момент просто не потянули бы. А вот Россия – смогла! Хоть и на уровне «труба пониже, и дым пожиже»... Ну а с Хрустальным дворцом было чутка полегче. Его прототип в той, другой истории англичане сумели построить всего через год. То есть все технологии, необходимые для его постройки, к настоящему моменту в мире уже существовали. Так что особенных трудностей он не составил. Тем более учитывая, что, несмотря на всё ещё сохраняющееся отставание общего уровня развития российской промышленности от английской, как раз

самые передовые русские предприятия английский уровень скорее опережали. Опять же как раз вследствие столь интенсивного развития железных дорог. Потому как у самых передовых предприятий российской промышленности имелся весьма требовательный к уровню развития технологий и – что очень важно – вполне себе обеспеченный деньгами покупатель...

– И чего ты этих мадяров так обхаживаешь?

– Да у них после победы в их Освободительной войне полный срач начался, – недовольно отозвался император. – Две партии сцепились – монархическая и республиканская... Эти вон – из монархической. – Он кивнул на группку венгров, в настоящий момент ошалело пляшущих на «Мать всех изб» – огромное строение высотой под десять саженей, представляющее собой в три раза увеличенную копию русской избы, собранную из огромных – реально в три обхвата – брёвен. Ну, лубочную такую – с резным коньком, резными же наличниками и массой других украшений соответствующих размеров. В ней была расположена экспозиция, относящаяся к русской лесной промышленности. А ещё там, в самом центре, был сделан «Дом великана» – такая же лубочная, как и сам дом, русская горница, все предметы в которой: стол, лавки, сундуки, этажерка, книги на ней, полки, посуда на них, печь с чугунами и сковородками, метла и ухват, стоящие у печи, – также были в три раза больше нормальных. Так что люди, попавшие в горницу, чувствовали себя

маленькими детьми. Ну должны были... всё-таки выставка только открылась. Впрочем, когда она ещё монтировалась – отсюда регулярно доносился хохот.

– А республиканцы кто?

– Да там камарилья с Кошутом и Петёфи во главе, – досадливо произнёс император. – И самая засада то, что они – славяне.

– Кто? – не понял Даниил.

– Ну, Лайош Кошут – словак, а Шандор Петёфи – серб.

Бывший майор впал в короткий ступор. Не то чтобы он помнил что-то существенное про венгерское национальное движение, но эти две фамилии остались в памяти ещё со школы. Вожди венгров, пламенные борцы за национальное освобождение, революционеры... и даже не венгры? Как это?! Впрочем, если разобраться, то очень часто всякие революции делают инородцы. В России ту же Великую Октябрьскую кто делал? Евреи да поляки. Ну и латышские стрелки отметились... Он где-то читал, что в составе военно-революционного комитета, который и провёл Октябрьское восстание в Петрограде и захват Зимнего дворца, из десяти человек был только один русский, а все остальные – евреи. Впрочем, в тот момент его это не сильно задело – он был воспитан интернационалистом...

– И в чём проблема? Ты же сам говорил: русский царь – по определению защитник всех славян. Вот и возьми их, так сказать, под защиту. Чего ты с этими-то возишься?

– А в том, что Кошут и Петёфи – против любой монархии. И страстно желают «свергнуть всех королей». То есть практически ни при каких обстоятельствах не могут быть для нас не то что союзниками, но даже нейтралами. Как тебе в разгар Крымской войны получить удар ещё и от венгров? Я же хочу, чтобы у нас хотя бы эта новая граница не требовала присутствия достаточно крупных сил. А лучше, чтобы они вообще создали угрозу Австрии и она не смогла бы, как это было там у вас, заставить нас держать против неё на границе весьма солидные силы. Они нам в других местах очень пригодятся. Но шанс на это будет только в том случае, если у них верх возьмут монархисты. Тем более есть вариант, что они пригласят на свой престол... – Тут Николай оборвал речь и, поджав губы, махнул рукой. – Ладно, то не твоя беда. Пойдём лучше посмотрим, как народ реагирует. Пока можно вот так свободно – без свиты и охраны – походить.

Ну да – сегодня был день «великосветского посещения». То есть сегодня пускали только самые-самые сливки – верхушку тех, кто приехал. Из значимых царствующих особ были только юный император Австро-Полонии Франц Иосиф и король Дании Фредерик VII. Ещё была всякая мелкая европейская шелупонь типа пьемонтцев и Королевства обеих Сицилий. Остальные прислали либо наследников, как шведы и пруссаки, либо представителей царствующих домов рангом поменьше, как те же англичане и французы.

– Ну пошли, – послушно согласился Даниил. Так-то у него

здесь была едва ли не самая крупная экспозиция... ну если считать его за частное лицо, но пока он её готовил – изрядно от всего этого устал. Это толпа аристократов сегодня появилась на территории выставки в первый раз, а бывший майор дневал и ночевал здесь последние две недели. Так что он бы лучше потихоньку слинял и просто отдохнул бы дома, с детьми... потому как жены дома не было – она готовилась к вечернему балу. А вы как думали – такое громкое мероприятие, как открытие Первой Всемирной выставки науки, промышленности, искусства и торговли, и без бала?! Ага, щас...

2

– И за давлением следи!

– Угу...

– Чего «угу», чего «угу» – манометр токмо вчерась поменяли. Весь вечер настраивали! Так что ты его временами ногтем по стеклу постукивай – стрелка залипнуть может.

– Угу...

– Вот опять твоё «угу» – ты слушай, чего тебе говорят! Угукает мне тут сидит...

– Апанасий Никодимыч, да помню я всё! Не первый раз чай. И даже не десятый... сколько гоняли – да даже мы весь этот маршрут уже дважды прошли!

– Так то на прежней модели было, – сердито отозвался пожилой мастеровой в новеньком щегольском комбинезоне с эмблемой Южных заводов.

– А на этой тоже до Великого Новгорода и обратно скатались.

– То-то и оно, что скатались, – передразнил его Апанасий Никодимыч, – а нынче – гонка! Понимать надо!

– Да понимаю я!

В этот момент послышался рёв сирены, а сразу вслед за этим распорядитель в ярко-жёлтой накидке проорал в медный рупор:

– Обслуживающему персоналу покинуть зону старта!

Пожилой мастеровой насупился и, чуть развернувшись, съехал на землю по тонкой обшивке кабины весьма примечательного аппарата. Намётанный глаз мог углядеть в нём черты локомотивов, таскавших грузы на заводах и рудниках, но именно что черты – размеры и форму котла, рисунок протекторов шин, массивную двухлонжеронную раму. Всё остальное отличалось от слова «совсем». Конструкция, представшая перед глазами, больше всего напоминала этакий стимпанковский вариант гоночной машины – низкий силуэт, сильно загнутые назад дымовые трубы, не то чтобы обтекаемый, скорее просто заглаженный корпус, заваленное назад лобовое стекло. Крупные ацетиленовые фары над гнутыми крыльями... Этот аппарат точно не был предназначен для того, чтобы таскать грузы. Скорее всё в нём кричало о скорости.

Утвердившись на ногах, мастеровой погрозил кулаком механику-водителю и, пробурчав: «Смотри у меня», – грузной трусцой побежал в тыл куцей колонне... мм... транспортных средств. Потому что назвать собранные здесь конструкции как-то иначе было затруднительно...

Сегодня, первого июня одна тысяча восемьсот пятидесятого года, в полдень, император Российской империи Николай I должен был дать старт первой в мире гонке «механических экипажей». Стартовать экипажи должны были с Дворцовой площади в присутствии множества гостей, ради чего на оной возвели большую трибуну, на которой должны были

разместиться самые почётные гости. Чуть менее, но всё ещё почётные – заполняли остальную часть площади. Ну а публика попроще столпилась вдоль всего Невского проспекта и набережной Лиговского канала, которая далее переходила в Московский тракт.

Эта гонка проводилась в рамках Первой Всемирной выставки науки, промышленности, искусства и торговли и была одним из ключевых, или, как это сформулировал князь Николаев-Уэлсли, который и был основным организатором гонки, «ударных» мероприятий выставочной программы, призванных показать всему миру высочайший уровень развития Российской империи и навсегда развеять миф о России как об отсталой и дремучей стране.

Этот миф и так уже держался на последнем издыхании, поскольку успехи России в железнодорожном строительстве, международной торговле и промышленном развитии были неоспоримы и очевидны для любого непредвзятого наблюдателя... Да вот только где их, непредвзятых, возьмёшь-то?

Любому человеку свойственно гордиться собственными достижениями, зачастую возвеличивая их на фоне достижений других людей. Именно на этом факторе, например, основано соперничество подростковых банд. Все эти махачи двор на двор, улица на улицу, район на район – они как раз оттуда. А во взрослой жизни наиболее ярко это проявляется в среде фанатов: «Что за мусорная яма это общество «Динамо», ну а яма рядом с ней – это общество «Коней». Вы-

ше гордо реет флаг – это общество «Спартак»... И это работает не только для двора, улицы, города, но и для народа и государства. Так что любые оценки «чужих» всегда будут предвзяты... И особенно это наглядно, если эти «чужие» – недавние новички. Ведь Россия вернулась на европейскую арену большой политики совсем недавно – чуть более полутора сотен лет назад. В то время как сами европейцы непрерывно бурлили в этом вареве ещё со времён Карла Великого – то есть более тысячи лет! Да и полтора столетия назад Европа всего лишь начала приглядываться к новичку, а воспринимать его не столько даже равным, а хотя бы заслуживающим внимания начала только около сотни лет назад – где-то со времён Екатерины Великой.

И, пожалуй, только лишь после разгрома Наполеона Бонапарта и взятия Парижа русские начали принимать всерьёз. Ну а последние успехи в области строительства железных дорог и развития промышленности породили уже настоящую ревность. И сильные опасения. Именно этим в первую очередь и была вызвана неприязнь со стороны главных акторов европейской политики – Англии и Франции. Третий из основных игроков – Австрия... то есть ныне Австро-Полония, – который теоретически мог бы выступить на стороне России, поскольку вроде как имел с ней достаточно продолжительную историю союзничества против Османской империи, в настоящий момент сильно ослабел. Пока что не так, как ещё один из прошлых гегемонов – Испания, но по срав-

нению с теми временами, когда он выступал равным конкурентом той же Франции, весьма значительно... Впрочем, совершенно не факт, что, останься австрийцы в силе, они бы выступили на стороне России. Против этого было много факторов, главным из которых было то, что существенную часть населения Австро-Полонии составляли славяне. И если польские элиты явно были в основной своей массе настроены антироссийски, что, кстати, также не могло не оказывать влияния на отношение к России всего государства в целом, то вот про всех остальных этого сказать было нельзя. Идеи панславизма охватили огромное число славян, грозя «лоскутной империи» скорыми новыми потрясениями, и сильная Россия, совершенно точно, являлась мощным катализатором этих потрясений. Так что Австро-Полония просто из чувства самосохранения должна была проводить политику, направленную на ослабление Российской империи.

– Минутная готовность!

По брусчатке Дворцовой площади застучали каблучки. Из-под трибуны выбежали юные воспитанницы Смольного института в обтягивающих стройные фигурки «аврорианских» платьях, сшитых специально к этому дню, и замерли, встав у левого переднего колеса каждой «механической повозки».

– Десять... девять... восемь... семь... шесть... – громко начал отсчитывать последние секунды распорядитель. Стоящий на трибуне Николай приподнял большой «стартовый

флаг» в крупную черно-белую клетку. И тут же его движение повторили девушки-смолянки, в руках которых также были чёрно-белые флажки, но гораздо меньших размеров, чем у государя. На площади запылали вспышки магния от многочисленных фотографических аппаратов, которые должны были сохранить этот момент для истории.

– У вас там тоже девушки на гонках старт дают? – наклонившись к уху Даниила, тихо поинтересовался Николай – обычно он был полностью в курсе всех затей своего друга, но подготовка этой выставки и начавшиеся с её стартом почти непрерывные переговоры со множеством прибывших и продолжающих прибывать делегаций на этот раз полностью заняли всё его время, до сегодняшнего дня не дав ему возможности вникнуть в подробности организации данного мероприятия. Нет, в общих чертах он про неё знал – программу выставки-то утверждали всем Госсоветом... но именно что только в общих. И сейчас вот решил походя немного навестать упущенное. Ну-ну...

– Ну а откуда бы я эту идею взял? – усмехнулся Даниил, припомнив фотографии девушек «Формулы-1» или тех же «24 часа Ле Мана». – Только у нас они делают это в трусиках, из которых ягодицы наружу торчат, и лифчиках из двух маленьких треугольничков, даже не полностью закрывающих сиськи, и пары верёвочек.

– Кхм... – Император поперхнулся и обалдело уставился на своего друга. Так что едва не пропустил окончание отсчё-

та. Ну да – несмотря на многолетние многочисленные рассказы, у Даниила всё ещё оставалась информация, которая могла шокировать Николая. Ну или, вернее, она время от времени неожиданно всплывала в памяти. Ну как сейчас...

– Три... два... один... – Даниил чуть толкнул императора плечом, и Николай поспешно заорал:

– Старт! – после чего торопливо взмахнул флагом. Девушки продублировали своими флажками, отчего на площади вновь запылали магниевые вспышки фотографов и одиннадцать «механических повозок», составлявших пелотон этой первой в мире гонки, окутались клубами пара, медленно двинувшись вперёд...

М-дам... гонки будущего это действо напоминало весьма отдалённо. В первую очередь потому, что почти все вышедшие на старт «механические повозки» были паровыми. И трогались с места они весьма и весьма неторопливо. Так что девушки-смолянки с флажками успели пробежать между неспешно набирающими скорость паровиками и вернуться к трибуне, собравшись за углом которой они с нескрываемым любопытством уставились на разгоняющиеся механизмы.

Чуф-чуф-чуф-чуф. Первые из них уже успели набрать скорость бегущего лёгкой трусцой человека и, обогнув Александровский столп, устремились к арке Главного штаба... Вернее, теперь уже Генерального. Преобразование бывшего рядового управления Военного министерства, носящего на-

звание «Главный штаб» и вполне соразмерного остальным управлениям – тому же Главному военному суду, Главному интендантскому управлению или Главному военно-медицинскому управлению с ветеринарным отделом, в полноценный Генеральный штаб началось год назад – весной одна тысяча восемьсот сорок девятого. И этот процесс пока ещё не закончился...

Лидирующий паровик – как раз тот самый, который был предметом пристального внимания Апанасия Никодимыча, нырнул в арку первым. Ну ещё бы – он был здесь единственным, которому пусть и с некоторой натяжкой можно было присвоить ярлык «гоночный». Остальные десять являлись скорее массовой... Три механизма были обычными, можно сказать, серийными калоризаторными тракторами, которые тягали «автопоезда» между Александровской пристанью и Екатеринославом. Ну не совсем, конечно, их чуть подшаманили, увеличив объём бункера с топливом и поменяв пару шестерён в коробке передач, вследствие чего максимальная скорость вплотную приблизилась к отметке в тридцать вёрст... но на этом и всё. Ещё семь образцов были созданы на базе различных локомотивов. Из них пять являлись иностранными. Два немецких – один из Пруссии, второй из Саксонии, два – английских и один – французский. Причём саксонец построил свою «гоночную вундервафлю» на базе локомотива «Павловских механических заводов».

Если верить сведениям, сообщённым владельцами дан-

ных «пепелацев», внешне представлявших из себя кошмарный сон ярого любителя стимпанка, некоторые из них оказались способны разгоняться аж до сорока вёрст в час и проехать на одной заправке топливом и водой не менее тридцати пяти тех же самых вёрст... Но главный организатор гонки светлейший князь Николаев-Уэлсли после беседы со своими механиками, в чью обязанность был вменён осмотр заявленных на гонку механизмов, дабы убедиться в их хотя бы относительной безопасности и быть уверенным в том, что их котлы не взорвутся прямо на старте и не покалечат столпившуюся публику и заинтересовавшихся действием почётных гостей, сильно сомневался, что эти механизмы дойдут до конца маршрута. Уж больно убогие были конструкции. К тому же локомотивы конструктивно не были рассчитаны на слишком долгие перегоны. Потому как их основная роль была совсем другой... Так что у паровых тракторов, таскавших «автопоезда» между Александровской пристанью и Екатеринославом, было куда больше шансов успешно закончить гонку, нежели у этих сырых и недоработанных конструкций. Несмотря на вроде как на четверть меньшую максимальную скорость. Просто потому, что вот их конструкция за время достаточно долгой эксплуатации была как раз таки неплохо отработана и все их «детские болезни» были уже вылечены. Да и общий выпуск был по нынешним временам более чем солидным – этих тракторов было произведено уже более двух сотен штук...

Поскольку пробег на одной заправке топливом и водой всех этих конструкций варьировался от двадцати пяти и до сорока вёрст включительно, на маршруте через каждые двадцать вёрст были устроены заправочно-технические посты, на которых был подготовлен запас дров, угля и нефти, а также установлены баки с водой, с помощью которых можно было пополнить запасы оной. Там же располагались и технические посты с парой механиков, которые должны были помочь экипажам произвести техническое обслуживание и мелкий ремонт. В необходимости которого как минимум для большей части паровиков никто из вовлечённых в подготовку гонки лиц и не сомневался. Такие уж были конструкции... А в Великом Новгороде и Твери были устроены настоящие технические станции! Для того чтобы обеспечить всё это, пришлось солидно ободрать заводы в Сусарах, Александровске, Железнодорожное училище и два императорских технических училища – Петербургское и Московское⁹. Впрочем, для учащихся этих учебных заведений участие в техническом обеспечении первых в мире гонок механических экипажей с любой стороны должно пойти на пользу. И как опыт, и как яркое воспоминание на всю оставшуюся жизнь!

⁹ В нашей истории Императорское Московское техническое училище, наследником которого стало МВТУ, было преобразовано из Московского ремесленного учебного заведения указом императора только в 1868 году. Но в реальности этого цикла технологическое и промышленное развитие России опережают нашу реальность на двадцать – тридцать, а в некоторых областях и более лет. Так что императорские технические училища здесь уже давно созданы.

Первая авария случилась ещё на Невском. Водитель-механик одного из переделанных локомотивов, принадлежащих сыну богатого купца-откупщика из Нижнего Новгорода, фанатевавшему от всякой техники, не справился с управлением и наехал на один из новеньких пожарных гидрантов (столицу империи и так перестраивали весьма активно, а к выставке в реконструкцию вообще влили огромное количество денег, устроив и канализацию и водоснабжение по самым современным меркам), напрочь снеся его. И ударивший вверх поток воды загасил топку. Все остальные участники гонки сумели добраться до городской черты и выехать на Московский тракт... Впрочем, и аварийный паровик через пару часов, когда его сумели стянуть с обломанного гидранта, а затем вычистить и заново разжечь топку, также тронулся в путь. И уже через полчаса обошёл один из прусских паровиков, водитель-механик которого также не справился с управлением и тот свалился с насыпи в довольно глубокий кювет. Ну да, Московский тракт был первой дорогой империи, которую Министерство путей сообщения сумело довести до утверждённых стандартов, то есть спрямили уклоны, сделав в нужных местах выемки и насыпи, оборудовали полотно насыпью и кюветами, построили все необходимые мосты, а также уложили на всём протяжении покрытие шотландца Мак-Адама. Именно поэтому по нему и был проложен маршрут первой в мире гонки механических экипажей...

– Слушай, Дань, а не слишком ли мы замахнулись? – задумчиво спросил Николай, когда ему доложили об уже третьей аварии. И это ещё когда основная часть пелотона не добралась до Тосно. – Можно же было и покороче. Скажем, до Новгорода. А то, боюсь, до Москвы никто не доедет.

Светлейший князь Николаев-Уэлсли лишь пожал плечами.

– Во-первых, не волнуйся – доедут. Как минимум пара из трёх тракторов точно доберётся. Пусть и за два, а то и за три дня... У них задача – держаться группой, так что если какой сломается – два остальных дотянут сломавшийся до Новгорода либо Твери. А там развёрнуты такие мастерские и резервы запчастей, что можно парочку новых тракторов собрать... И это в самом худшем случае. А так, думаю, как минимум ещё парочку сломавшихся других паровиков тоже сумеем дотянуть. Среди которых точно будет не менее одного иностранного. Ну чтобы, если нас вдруг начнут обвинять в предвзятости и подыгрывании своим, было бы кому заступиться... – Он усмехнулся. – Во-вторых, такая долгая гонка, а, как ты помнишь, по прикидкам на то, чтобы самые последние участники сумели-таки добраться до финиша, может потребоваться до трёх дней, – это отличный шанс вернуть некоторые позиции нашей РИТА. Потому что только у неё будет эксклюзивный доступ к текущей гоночной информации. А то придумали тут какой-то «Гавас»... – Ну да, никакого «Рейтера» или «Блумберга» с Франс Прессом

здесь пока не существовало. Всё, чего они могли накопать по этому вопросу, – это какой-то незнакомый «Гавас», созданный в Париже полтора десятка лет назад как Бюро переводов, и «Ассоциация прессы», созданная пятью нью-йоркскими газетами четыре года назад, чтобы быстрее получать горячие новости об Американско-мексиканской войне¹⁰. И всё. Так что за рынок информации можно было побороться. Для чего пару лет назад, как раз в разгар «весны Европы», было создано РИТА – Российское императорское телеграфное агентство. И как раз на освещении этой самой «весны Европы» оно поначалу и поднялось... Да так, что крупнейшие европейские издания слегка напряглись и начали потихоньку вставлять её корреспондентам палки в колёса. Нет, в стране авторитет РИТА был непоколебим. Но вот на международной арене начались неприятные тёрки... Ну так очевидно же, что англосаксы приобрели и продолжали удерживать лидирующие позиции в мире именно потому, что удерживали в своих руках три четверти всех мировых информационных потоков. Ибо, что бы и где бы в мире ни происходило, первой оценкой происходящего в подавляющем большинстве случаев становилась та, которую дали этому событию англосаксы. С этой оценкой потом можно было не соглашаться, оспаривать, отрицать, приводить аргументы, проводить аналогии и всё такое прочее, но первой была именно она. И для

¹⁰ От агентства «Гавас» ведёт отсчёт своей деятельности Франс Пресс, а нью-йоркская «Ассоциация прессы» – это то самое знаменитое Ассошиэтед Пресс.

многих зрителей/слушателей/читателей она так и оставалась единственной. Всё – клеймо поставлено, можете больше не дёргаться... Именно эту аргументацию и выдвинул бывший майор императору, когда защищал перед ним идею создания Российского императорского телеграфного агентства. И Николай её принял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.